

Копипаста: Горький хлеб маминого сына — Lurkmore

Копипаста авторства Дениса Горелова из газеты «Сегодня» за 90-мохнатый год. В этих ваших интернетах первое появление фиксируется в архивах газеты винрарных [ролеви́ков](#) за 26.03.2000 ([1], кодировка KOI8-R). Вызвала высокий общественный резонанс, [разорвав в клочья](#) анусы множества [братьев](#).

Оригинальный текст

Нет большей напасти для человека, чем родительская любовь. Настоящая. Слепая. Маниакальная. Позвони-домой-а-то-я-не-я. Большинство неприятностей бьют индивидуума снаружи, и только эта разъедает изнутри ежедневно, в самом податливом возрасте. Даже тюрьма, сума и армия деформируют личность не больше, чем ежедневное требование надеть шарф. Съешь морковку. Съешь яблочко. Чайку не хочешь? Через час будем обедать. Через полчаса будем обедать. Через 15 минут будем обедать. Где ты ходишь, мой руки. Только не поздно. А Миша не у вас? А во сколько он выехал? А шапку он надел? Она вышла замуж? Так ты из-за этого только? Она тебя не стоит, глупая провинциальная девочка. Почему ты на меня все время орешь? Я тебя провожу. Я тебя встречу. Тебе пора спать. На улице холодно. Запрись как следует. Опустит уши. Не печатай это, я боюсь. Не пей сырую воду, не пей сырую воду, не пей сырую воду.

Твоя мамахен носится по кварталу в тапочках, ищет тебя? Спасибо, я так и думал, дай сигарету. "Главное, со всем соглашаться, учил товарищ по несчастью. Звонит вечером друг с вокзала: встречай. Одеваешься. Выходят в прихожую, говорят: никуда не пойдешь, поздно. Хорошо, никуда не пойду. Раздеваешься. Уходят. Опять одеваешься и быстро уходишь, не обращая внимания на крики на лестнице". Он неврастеник, мой друг. Боксер и неврастеник. Дикое сочетание.

Три года живет в Германии без родителей, со своей семьей, и все еще неврастеник. Любит "Прирожденных убийц". Я его понимаю. Людям не выдавшим понять не дано. Они легки и снисходительны. Когда им говоришь, что собственный дедуля тяжело больной психопат, потому что через пять минут после звонка едущей домой сорокалетней дочери вперивается в дверной глазок и пятьдесят минут стоит столбом, они наставительно говорят, что вот, когда у тебя будут свои дети, тогда ты поймешь. Они просто счастливые дураки. К ним, в сорок лет зашедшим к соседке покурить-покалякать, ни разу не являлся 65-летний отец и не уводил за руку домой, потому что уже поздно.

Они наивно смеются и предлагают, в крайнем случае, разменять квартиру. Им невдомек, что человек, выдавший лихо родительской любви, не умеет разменивать квартиру. Дай Бог, чтоб он умел хотя бы за нее платить. Он вообще ничего не умеет. Принимать решения. Принимать похвалу. Жить вместе. Приспосабливаться. Уступать. Держать дистанцию. Давать в морду. Покупать. Чинить. Отвечать. От ужаса перед миром он ненавидит людей гораздо сильнее, чем они того заслуживают.

Внешняя любовь для него наркотик, который он всегда получал бесплатно и здорово подсел. Наркотическая зависимость прогрессирует, истерической маминой любви уже недостает, нужны сильные галлюциногены, а их за так не дают. А любить он, между прочим, тоже не умеет, потому что для любви всегда нужна дистанция, а он зацелованный с детства, да и отдавать не привык, да к тому же знает, как обременительна любовь для ее объекта, и инстинктивно старается не напрягать симпатичных ему людей. Начинаются метания между "я червь" и "я бог", мучительные думы, рефлексия, взгляд на себя со стороны, который не может не усугублять. Когда в дорогом ресторане представляешь себя чужими глазами, немедленно начинает дрожать рука, и все падает с вилки.

Взрослый любимый ребенок это наследный принц, которого гуманно отпустили жить после того, как папе отрубили голову. Лучше б не отпускали. Лучше добить сразу. Сочетание тирана и младенца в одной душе надежно отсекает человека от человечества. Дальше маминой помощи уже не надо: одиночество точит и портит принца самостоятельно; трагедия его уже самоналажена, он способен воспроизводить ее сам. Впрочем, если мама еще не умерла, она всегда найдет время позвонить и спросить, что он сегодня кушал и куда запропастился вчера. Это давно уже стало бичом целых наций. Вернувшийся из Израйля друг рассказывал, что там выросло целое поколение вечных недорослей детей тех, кого миновал погром и крематорий. Детей, которым никогда не стать взрослыми, потому что им до старости будут внушать, что они похудели, и не пускать на улицу, потому что там собаки, машины и преступники.

Так мир делится надвое еще по одному признаку. На одной его стороне живут нервные одинокие неряхи с суицидальными наклонностями, до старости пытающиеся казаться крутыми. На другой легкие, праздничные, всеми любимые куролесы, до старости сорящие деньгами и палками. У них все хорошо. В момент их полового созревания родители занимались работой, друг другом, устройством личной жизни, но только не любовью к чадам. Кого-то отец-режиссер в 16 лет оставил в квартире с деньгами на два года и уехал с мамой в экспедицию. Кому-то отец-академик в те же 16 лет заявил: "Дальше сам. Вот твоя комната и завтрак дома, а остальное не наше дело". У кого-то отца не было вовсе, а мама и до сих пор ягодка опять. "Значит, это правильные дети, их можно отпускать одних, не то что моего", спокойно скажет на это любая профессиональная мать и солжет. Это не правильные дети это правильные родители. В 16 лет бросать

одного можно и нужно любого человека, кроме Сережи из книжки "Судьба барабанщика", который то горжетку продаст, то шпионов напустит.

В несловном обществе принц всегда несчастней нищего, инфант беспризорника, Том Сойер Гекльберри Финна. У одних жизнь проходит в жалобах и мечтах, у других в фантастике и приключениях. Одни ездят к друзьям жаловаться на экзистенцию, другие тайком от жены пообнимать очередную ляльку, счастливую и благодарную. Одни месяцами думают, что надо бы вымыть пол, другие в полдня обустроивают новое жилье. Одни намертво впаяны в свою квартиру, другие меняют ключи, как перчатки, снимая, женихаясь и гостя у друзей. Военкоматы никогда не могут их найти, а если находят, то натываются на уверенно и быстро сделанный отмаз, а если прихватывают, то и здесь ваньки-встаньки легко оказываются в секретке, в чертежке, в оркестре, причем безо всякой протекции, с детства приученные решать проблемы. В боевых "мазутах" служат с детства закутанные чада. Назад они приходят с удвоенной миробоязнью, замкнутостью и ненавистью к человечеству. Родня выстригает им седые виски и тут же рекомендует одеться потеплее.

На самом деле это никакая не любовь.

Это тихое, глухое, механическое помешательство. Чтобы ребенок рос здоровым, его посреди четвертого класса загоняют в постель через минуту после Нового года и три часа удовлетворенно слушают рыдания в подушку. Чтобы дочь поскорее взялась за ум и стала счастлива, ей говорят, какая она зря прожившая жизнь дура, в день рождения, с шампанским в руках, в виде тоста.

Липкие, как леденец, назойливые, как цветочная торговка, глухие, как почетный караул, родители упорно и злобно не желают видеть, что болеют те, кого кутали, одиноки те, кого женили, и бьют тех, кого провожали. Они методично отстаивают свое право любить, пока самым смелым в предположениях детям не приходит в голову, что защищают они себя. Это я должен гордиться дочерью, а она дура и в двадцать пять живет с женатиком. Это мне хочется, чтобы сын справлял день рождения дома со мной, а что ему хочется это неважно. Это я волнуюсь, когда тебя нет дома, поэтому умри, а будь в десять. А то, что ты, предположим, к морозу привык и на снегу спал не раз и не десять, это наплевать, я же тебя там не видел, и сердце у меня не болело, а здесь изволь застегнуться. Еще живой отец, очень правильный дядя, сказал однажды маме: "Если б ты никогда не вышла замуж, твой папочка бегал бы вокруг тебя, жалел, хлопал крыльями и был бы счастлив".

В общем, я понимаю, почему у Жени Лукашина из "Иронии судьбы" до тридцати шести не было семьи. У него зато была мама. Та самая. Мировая.

P. S. У всех моих друзей-куролесов уже есть свои дети. Нормальные, редко видящие занятых отцов, скучающие по ним. У друзей-инфантилов детей нет. Ни у одного. Они появятся поздно, когда вымрут их любвеобильные бабушки-дедушки. Поздних детей — любят. По-настоящему. Насмерть.